

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

На основе теории неопределенности—идентичности М. Хогга нами была сформулирована и представлена здесь модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Цель излагаемого исследования заключается в эмпирической проверке модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Выборку исследования составили ученики старших классов ряда школ г. Москвы и студенты ряда московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 580 человек в возрасте от 14 до 27 лет ($M=17,32$; $SD=1,66$), 392 респондентов женского пола, 7 респондентов не указали свой пол. Основной метод исследования — опрос в форме анкетирования. Модель оценки риска получила частичную эмпирическую поддержку. Для последующей проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде предлагается реализация следующих шагов: 1) выявить специфику социальных идентичностей в подвыборке школьников; 2) проанализировать особенности групп, с которыми идентифицируются школьники и студенты; 3) на основе результатов самых последних исследований предлагается воспользоваться методикой картографирования

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

социальной идентичности, которая демонстрирует свои преимущества по сравнению с традиционными способами измерения социальной идентичности.

Ключевые слова: радикализация, механизмы радикализации, чувство неопределенности, социальная идентичность, модель оценки риска.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-02 от 13.02.2023 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307

Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Based on M. Hogg's uncertainty-identity theory, a radicalisation risk assessment model was formulated. The aim of the presented study was to test the model for assessing the risk of radicalisation in adolescents and young people. A total of 580 adolescents and young people aged from 14 to 27 years ($M=17.32$, $SD=1.66$) took part in the study; 392 respondents were female, 7 respondents did not indicate their gender. The main method of the study was a survey in the form of a questionnaire. The risk assessment model got partial empirical support. For further validation of the model it was proposed to implement the following steps: 1) to identify the particularities of social identities in a subsample of schoolchildren; 2) to analyse the characteristics of the groups with which schoolchildren and students identify

themselves; 3) based on the results of the most recent studies, it is proposed to use the method of social identity mapping, which demonstrates its advantages over traditional ways of measuring social identity.

Keywords: radicalisation, mechanisms of radicalisation, feeling of uncertainty, social identity, risk assessment model.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00038-23-02 dated 13.02.2023).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.D. Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307 (In Russ.).

Введение

Критический анализ существующих моделей радикализации, предложенных Р. Боремом, К. Викторовичем, Ф. Мохаддамом, М.Д. Силбером и А. Баттом, М. Сейджманом [19], позволил сделать вывод о необходимости рассматривать процесс радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была адекватна изучению самого феномена (радикализация как легитимизация терроризма понимается как явление, происходящее в групповом контексте). Процесс радикализации — это траектория поиска и обретения такой социальной идентичности, которая снизила бы чувство неопределенности, испытываемое индивидом. Такое понимание соответствует логике теории неопределенности—идентичности, предложенной М. Хоггом [7; 13—17]. В отечественной литературе эта модель получила самое пристальное внимание исследователей [2], в связи с этим ограничимся лишь указанием на суть этой модели.

1. Индивид испытывает чувство неопределенности. М. Хогг подчеркивает, что не любая неопределенность мотивирует к действиям, но только та, которая затрагивает Я, значима для человека, на разрешение которой он тратит значительную когнитивную энергию [17]. Речь идет именно о *переживании* неопределенности, а не о когнициях о неопределенности. В определенные моменты нестабильности (социальной, политической, экономической) индивиды острее переживают неопределенность окружающего мира, привлекательными для них становятся радикальные и экстремистские воззрения в силу их однозначности и определенности. В литературе имеется анализ многочисленных исторических примеров, демонстрирующих справедливость этой идеи [18].

Возникновение и широкое распространение новых технологий, несомненно, способствует усилению чувства неопределенности у их пользователей. Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий. С одной стороны, новые технологии предоставили человеку разнообразные возможности для общения. С другой стороны, общение, опосредствованное новыми технологиями, претерпело серьезные изменения: у участников общения имеется возможность сохранять анонимность, модифицировать или сконструировать идентичность, прервать или прекратить общение в любой момент [3—6]. Новые технологии создают иллюзию общения, нежели общение в подлинном смысле слова [6]. Как отмечают А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов, массовая культура разрушает устойчивые основания для иден-

тификации, порождает вакуум, который индивиду необходимо заполнить [6]. В современном мире традиционные основания для категоризации не срабатывают, что способствует порождению чувства неопределенности, которое человек стремится избежать или хотя бы снизить;

2. Для того, чтобы управлять этим чувством неопределенности, индивид ищет группу.

3. В ситуации неопределенности не любая группа обратит на себя внимание индивида, привлекательными будут только *те* группы, которые дают ему ясный, простой и четкий прототип (под прототипом понимается расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение). Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие») и чем она отличается от других групп («они — этакие»). В соответствии с теорией самокатегоризации, по принципу контраста члены своей группы должны быть максимально отличающимися от членов чужой группы; по принципу ассимиляции — внутри своей группы — члены группы должны иметь минимальные различия [7; 13—15].).

Получая определенный прототип, человек обретает информацию о том, что думать, чувствовать и как действовать, а также чего именно ожидать от окружающих, как взаимодействовать с ними [7], другими словами, крайне неприятное чувство неопределенности снижается.

Следствие из теории Хогга таково: люди становятся членами группировок с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи не потому, что они являются приверженцами определенной идеологии, но потому что они стремятся снизить чрезвычайно неприятное чувство неопределенности. Чем выше у индивида идентификация с такими группами, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, поскольку социальная идентичность, особенно если она всеохватывающая, ригидная, эксклюзивная и предписывающая в крайней степени, способствует переходу к действиям [17]. Переход к действиям обусловлен не негативными социальными установками в отношении тех или иных групп [22], а именно действиями от имени группы, с которой индивид идентифицируется в высокой степени.

В соответствии с этими положениями теории М. Хогга [13—17] нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Ключевым конструктом модели оценки риска является специфика социальной идентичности индивида. Мы исходили из определения социальной идентичности, данного Г. Тэшфелом: «...знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [25, р. 292]. Другими словами, социальная идентичность — это та часть Я человека, которая происходит из знания о членстве в социальных группах, в сочетании с эмоциональным и ценностным аспектами. Социальные идентичности человека изменяются не только со временем; согласно подходу социальной идентичности, в том или ином социальном контексте доминирует определенная социальная идентичность; как следствие, когнитивный, аффективный и поведенческий уровни индивида определяются интересами именно этой социальной группы, а не других групп, членами которых он также является [8].

Чувство неопределенности — этот конструкт сопряжен с тем, что человек страдает от неопределенности, задаваясь вопросами: «Что делать?», «Кем быть?» «Что думать?». Неопределенность трактуется в логике теории неопределенности—идентичности, рассматривается как зависящая не от личности, но от социального контекста.

В логике модели оценки риска радикализации первостепенным является ответ на вопрос о специфике социальной идентичности индивида: обладает ли он рядом социальных идентич-

ностей или нет. Согласимся с тезисом А. Хаслама [12] относительно того, что множественность позитивных, значимых и совместимых друг с другом социальных идентичностей оказывается серьезным потенциалом для благополучия индивида. Идентифицируясь с различными группами, индивид обретает ценности и нормы; будучи членом группы, он оказывает влияние на других и сам оказывается под их влиянием; чем больше индивид идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя как похожего на других членов группы (что обеспечивает взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования, чувство эффективности и власти [12]. Другими словами, развивая тезис А. Хаслама, можно говорить о том, что обладание такими социальными идентичностями связано с удовлетворением базовых психологических потребностей (в частности, в уважении, принадлежности, смысле) [12]; преимущества, которые индивид получает от множественных социальных идентичностей (позитивных, значимых, совместимых друг с другом), выступают своего рода защитными факторами, которые противостоят риску радикализации. На другом полюсе оказывается индивид, который идентифицирует себя с незначительным количеством групп (условно говоря, — индивид с недостаточной социальной идентичностью). Представляется возможным говорить о том, что такой индивид не обладает преимуществами, обозначенными выше; под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей. Важно понять, с какими именно группами идентифицируется индивид — с малыми группами (группой близких людей, учебной или рабочей группой) или с большими группами (стихийными или устойчивыми). В пользу выделения этого параметра говорят модели радикализации и оценка риска радикализации [24]. Если исходить из того, что радикализация — это поиск новой социальной идентичности, а также принимать во внимание, что в процессе радикализации индивид отстраняется от семьи и друзей, то можно полагать, что особенности идентификации с группами из ближайшего окружения (т. е. потеря социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения) [19; 24] являются индикатором уязвимости индивида с точки зрения процесса радикализации.

Анализ специфики социальных идентичностей индивида предполагает изучение особенности групп, к которым принадлежит индивид, а также особенностей группы, к которым индивид хотел бы присоединиться. Ключевым здесь является тезис о том, что группа, которой отдает предпочтение индивид, испытывающий чувство неопределенности и стремящийся избавиться от него, должна характеризоваться высокой степенью энтитативности (или восприниматься как таковая). В логике теории М. Хогга, чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17]. Отсюда индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, разнятся по тому, какие группы их привлекают, какие социальные идентичности они хотели бы иметь.

Скорость процесса радикализации различается в самом начале и в конце этого пути (прихода к легитимизации терроризма). Как показывает анализ постадийных моделей радикализации [19; 24], изначально события, связанные с радикализацией, происходят преимущественно в когнитивном плане; на стадиях, приближенных к завершению радикализации, этот процесс выходит преимущественно в поведенческий план, в план социальных практик и отношений. В силу того, что события, происходящие в когнитивном плане, скрыты от наблю-

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

дения, зачастую может сложиться впечатление, что человек «быстро радикализировался», однако это скорее иллюзия.

И хотя в моделях оценки риска, используемых в настоящее время [24], этот факт принимается во внимание, тем не менее, то, что открыто для наблюдения, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная часть пути уже пройдена. Сложность построения модели оценки риска радикализации, основанной на раннем распознавании признаков радикализации, связана с тем, что в фокусе внимания оказывается то, что происходит на когнитивном уровне индивида, уязвимо к радикализации. У каждого момента процесса радикализации имеются свои когнитивно-аффективные особенности, отсюда инструмент диагностики предполагает определенную субтильность для того, чтобы не допустить ошибочных суждений об уязвимости субъекта.

Первоначальные стадии радикализации, если рассматривать их в логике модели, охарактеризованной выше, сопряжены с переживанием неопределенности и поиском способов ее снижения, что позволяет ожидать поиск информации радикализирующимися индивидами, наличие запроса на коммуникацию, что говорит в пользу того, что человек оказывается уязвимым к коммуникативному воздействию соответствующих террористических организаций.

В литературе указывалось на то, что на поздних стадиях радикализации индивиды дистанцируются от ближайшего окружения (семьи, друзей) [19; 24]; было бы важно понять, как именно сами индивиды видят эти группы в качестве оснований для идентификации — имеет ли место снижение идентификации, рассматривают ли они эти группы, как не важные или дающие негативную социальную идентичность.

Все сказанное выше делает очевидным необходимость исследования, которое позволило бы проверить основополагающее предположение в модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности (набора позитивных, значимых, совместимых друг с другом социальных идентичностей, особенно, если среди этих идентичностей отсутствуют идентичности, получаемые в группах близкого окружения — семьи и друзей), испытывающие чувство неопределенности, будут стремиться к членству в высоко энтитативной группе для снижения чувства неопределенности. Во внимание принимаются этические проблемы, сопряженные с разработкой моделей оценки риска в целом, в частности, идея о том, что модель оценки риска радикализации позволяет говорить о выявлении уязвимых индивидов, с которыми предполагается проведение дополнительных диагностических процедур.

Программа исследования

Цель исследования заключалась в эмпирической проверке модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Объект исследования — подростково-молодежная среда.

Выборку составили ученики старших классов ряда школ г. Москвы и студенты ряда московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 580 человек в возрасте от 14 до 27 лет ($M=17,32$; $SD=1,66$), 392 респондентов — женского пола, 7 респондентов не указали свой пол. Из основного анализа были исключены частично заполненные анкеты: основному анализу были подвергнуты данные, полученные от 236 студентов и 273 школьников.

Если чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17], то индивиды, имеющие множествен-

ную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают. Те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдадут предпочтение в пользу такой группы, которая дала бы им однозначный прототип. В этом и заключалось исходное предположение, проверяемое в исследовании. В настоящей работе предлагается рассмотреть только часть результатов научно-исследовательского проекта, однако проверяемое предположение отражает основополагающую идею модели оценки риска и представляет первостепенный интерес.

Методы и процедура исследования. Основным методом исследования выступал опрос в варианте анкеты. В первой части респондентам предлагалась методика М. Куна—Т. Макпартленда «Кто я?» [1]. Предпочтение именно этого инструмента для анализа особенностей социальной идентичности по сравнению, например, с методиками, используемыми в рамках подхода социальной идентичности для измерения множественной социальной идентичности, объясняется необходимостью получения информации о специфике групп (малые или большие), с которыми индивид себя идентифицирует.

Во второй части респондентам предлагалось ответить на вопрос о среднесрочном образе своего будущего (через 5 лет). При всех ограничениях этого вопроса, он связан с дополнительным измерением чувства неопределенности.

В третьей части опросника респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, к каким группам они принадлежат (школьникам предлагалось указать три такие группы, студентам — пять групп). Со времени выхода в свет работы Д. Кэмпбелла [11], в которой он предложил понятие энтитативности, были сформулированы и получили эмпирическую проверку подходы к изучению энтитативности, в рамках каждого из них были предложены инструменты измерения энтитативности [9—10; 20—21]. С опорой на анализ этой литературы были разработаны шкалы (20 шкал), позволяющие оценивать энтитативность группы по разным основаниям. По тем же шкалам респондентам предлагалось оценить воображаемую группу, членом которой он хотел бы стать. В случае школьников дополнительный вопрос касался воображаемой группы, к которой индивид не хотел бы принадлежать. В последней части респондентам предлагалось ответить на ряд социально-демографических вопросов. Качественная информация обрабатывалась с помощью контент-анализа, с повторным кодированием, что позволило проверить совпадение результатов кодирования.

Описание и интерпретация результатов

Особенности социальной идентификации в подростково-молодежной среде. По результатам контент-анализа ответов, полученных по методике М. Куна—Т. Макпартленда «Кто я?» все респонденты были разделены на подгруппы в зависимости от частоты идентификации с различными группами: малыми группами (группами близких людей, рабочими группами или учебными группами) и большими группами (устойчивыми — этнос, профессиональная группа — или стихийными — аудитория, публика и пр.). Два типа социальных идентичностей в наибольшей степени указываются респондентами: получаемые в малых группах ближайшего окружения и в больших устойчивых социальных группах. Реже респонденты идентифицируются с рабочим коллективом или учебной группой, а также с группами по интересам (любители музыки, танцев, чтения, спорта и пр.).

В подвыборке студентов: 1) с множественной социальной идентичностью (3 и более) — 200 респондентов (84,75%); 2) без указания на социальные идентичности или с единичной социальной идентичностью — 12 студентов (5%). Отсутствие социальных идентичностей

означает, что респонденты использовали другие категории ответов на вопрос «Кто я?»: физическое Я или психологическое Я.

В подвыборке школьников: 1) с множественной социальной идентичностью (3 и более) — 225 респондентов (82,4%); 2) без указания на социальные идентичности или с единичной социальной идентичностью — 29 школьников (10,5%). В логике сформулированной выше модели эти подгруппы рассматривались как категории для дальнейшего сравнения.

Среди ответов студентов и школьников встречались как указания на возможные будущие идентичности (например, на профессиональные группы, на будущие семейные группы), так и на прошлые идентичности, например, бывшая баскетболистка, бывший танцор, бывший одноклассник.

Описанная выше специфика социальной идентификации в студенческой среде соответствует логике фрагментации современного общества, когда традиционные категории для идентификации более не действуют, не являются привлекательными.

Образ будущего. Подвыборка студентов: 206 респондентов высказали один сценарий будущего, 8 респондентов — два и больше, 22 респондента не видят своего будущего или не желают его описывать. Анализ ответов на вопрос о среднесрочном будущем демонстрирует, что в целом респонденты формулируют позитивные ожидания нормативного характера, касающиеся успешной карьеры (наличие своего дела), материального достатка (приобретение машин и квартир, материальная независимость, помощь родителям), наличия семейной жизни (или близких отношений), интересного досуга. Обращает на себя внимание идеализация этого среднесрочного будущего, которая выражается в том, что 89% респондентов высказали позитивные ожидания, относительно своего будущего, они воображают себя востребованными специалистами (добившимися успехов в своей профессии), работающими по специальности, иногда проживающими за границей (востребованными там), саморазвивающимися, уверенными в себе, счастливыми, помогающими своей семье; дают образные описания, напоминающие сцены из сериалов. Кроме того, были определены те респонденты, которые предпочли не высказывать позитивных ожиданий, объяснив это сложностью прогнозирования жизни, неопределенностью.

В подвыборке школьников имеет место та же самая специфика: 264 респондента (96,7%) видят свое будущее в позитивном ключе: идеализированное понимание своего будущего; учащиеся воображают себя востребованными специалистами (добившихся успехов в своей профессии), работающими по специальности, часто проживающими за границей, саморазвивающимися, уверенными в себе, счастливыми, помогающими своей семье, поддерживающими связи с актуальными друзьями. Значение *фи*-критерия Фишера (4,03, $p < 0,05$) говорит о различиях, которые можно рассматривать через призму взросления в двух подвыборках.

Очевидно, что однозначность в интерпретации данных едва ли возможна; тем не менее, информация, полученная от тех респондентов, которые не имеют картины будущего или отказываются его описывать, подверглась дополнительному соотношению с результатами, полученными по другим методикам.

Образ желаемой группы. Для сравнения того, как желаемую группу воспринимают респонденты с множественной социальной идентичностью и с недостаточной социальной идентичностью был реализован следующий анализ: 1) оценки по 20 шкалам были подвергнуты процедуре эксплораторного факторного анализ (ФА) с последующим переходом к «новым переменным» (значения показателя альфа Кронбаха для каждого фактора выступали мерой оценки согласованности пунктов по шкале (превышали 0,6)). ФА был выполнен

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

по методу главных компонент с применением ортогонального вращения-варимакс. Значения по «новым переменным» подвергались сравнению в двух группах в каждой подвыборке респондентов.

В подвыборке студентов в результате процедуры ФА были выделены 6 факторов, объясняющих 59,08% от общей дисперсии, переход к новым переменным позволил сгруппировать вместе шкалы, которые характеризуют группу, дающая значимую позитивную идентичность (группа важна, привлекательна и значима, в ней осуществляется помощь друг другу, члены группы общаются каждый день, разделяя информацию, ценности этой группы важны для ее членов). Как и ожидалось, индивидов с множественной и недостаточной социальными идентичностями привлекают различные группы: $z=-2,13$ ($p<0,05$). Для респондентов с множественной социальной идентичностью привлекательны группы единомышленников, где имеет место открытый и ежедневный обмен информацией, где члены группы могут рассчитывать на помощь друг друга. Такая группа не привлекает респондентов с недостаточной социальной идентичностью.

Данный результат говорит в пользу нашего предположения, а также соответствует логике модели Хогга, на основе которой была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: индивиды, испытывающие неопределенность (в нашем случае она связывается с недостаточностью социальных идентичностей), в процессе поиска новой идентичности ищут не любую группу, но лишь ту, которая имеет высокую энтитативность (с охраняемыми границами, с иерархической структурой; члены таких групп разделяют одни и те же установки и ценности, инакомыслие исключается). Очевидно, что образ группы, дающей значимую позитивную идентичность, как это понимается индивидами с множественной социальной идентичностью, не выглядит привлекательным для людей с недостаточной социальной идентичностью.

Аналогичная процедура анализа данных (ФА с последующим переходом к новым переменным), предпринятая в подвыборке школьников, не обнаружила значимых различий в образе группы, членами которой индивиды хотели бы стать, а также в образе группы, членами которой они не хотели бы стать, у респондентов с множественной и недостаточной социальными идентичностями. Эти результаты не дают эмпирической поддержки изначальное предположению, согласно которому, индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают, а именно: те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение группе, которая дала бы им однозначный прототип. Тот факт, что в подгруппе студентов и школьников результаты разнятся, требует последующего анализа. Если попытаться осмыслить разницу в двух группах, то представляется возможным отметить, что подростковый возраст подразумевает изменения в социальной идентичности, причем эти трансформации связаны именно с особенностями возраста. Насколько позволяет судить анализ литературы [23; 26], этот аспект исследован в меньшей степени в социальной психологии. Для понимания изменений социальной идентичности, происходящих в подростковом возрасте, нужно опираться на тезис теории самокатегоризации Дж. Тернера, согласно которому речь идет об активизации «когнитивной категоризации Я в социальных ситуациях» [26, р. 556]; отсюда изменения в социальной и когнитивной сферах, характерные для подросткового возраста, оказывают влияние как на социальную идентичность подростков, так и на специфику ее проявлений. Результаты экспериментального исследования [26], реализованного К. Танти с коллегами на 380 подростках, где независимой

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

переменной выступал тип социальной идентичности (идентификация с гендерной группой или группой сверстников), а зависимой — восприятие себя в терминах стереотипных характеристик соответствующей группы (гендерной или группы сверстников) и ингрупповой фаворитизм, продемонстрировали важность социальной идентичности, связанной с группой сверстников. Другими словами, в раннем и позднем подростковом возрасте имеет место определение своего Я через принадлежность к группе сверстников. Этот результат сочетается с изменениями, которые соответствуют тем или иным этапам подросткового возраста. Очевидно, что последующая проверка представленной здесь модели требует особого внимания к анализу особенностей социальной идентичности школьников.

Тем не менее, взятые вместе результаты исследования позволяют говорить о том, что наше общее предположение получило частичную эмпирическую поддержку (в подвыборке студентов): респонденты с недостаточной социальной идентичностью отличаются от респондентов с множественной социальной идентичностью в образе группы, частью которой они хотели бы быть (другими словами, те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу такой группы, которая дала бы им однозначный прототип).

Заключение

В соответствии с основополагающими идеями теории неопределенности—идентичности М. Хогга [13-17] нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, а также предпринята ее эмпирическая проверка.

В логике модели М. Хогга чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17]. Отсюда индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают (дают им позитивную социальную идентичность). Те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им однозначный прототип. Это основополагающее предположение было проверено в изложенном здесь эмпирическом исследовании. Результаты, полученные на выборке из 580 представителей подростково-молодежной среды, носят, с точки зрения проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, предварительный характер. Тем не менее, даже эти предварительные результаты обладают определенной ценностью, исходное предположение модели получило частичную эмпирическую поддержку.

Для последующей проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде предлагается реализация следующих шагов: 1) выявить специфику социальных идентичностей в подвыборке школьников; 2) проанализировать особенности групп, с которыми идентифицируются школьники и студенты; 3) на основе результатов самых последних исследований [8] предлагается воспользоваться методикой картографирования социальной идентичности, которая демонстрирует свои преимущества по сравнению с традиционными способами измерения социальной идентичности.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 288 с.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

2. *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215
3. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Технологии и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). С. 33.
4. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
5. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115–125.
6. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. Том 26. № 6. С. 16–24.
7. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes* / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006
8. *Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N.* A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond* / I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 87–102. doi:10.4337/9781802207972.00018
9. *Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S.* Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2020. Vol. 23. P. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577
10. *Brewer M.B., Hong Y., Li Q.* Dynamic entitativity // *The psychology of group perception: Perceived variability, entitativity, and essentialism* / Yzerbyt V., Judd C. M., Corneille O. (eds.). New York, NY: Psychology Press, 2004. P. 19–29.
11. *Campbell D.* Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14–25. doi:10.1002/bs.3830030103
12. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 490 p. doi:10.4324/9781315648569
13. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35. doi:10.1002/9781444344073.ch2
14. *Hogg M.A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / P.J. Burke (ed.). Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111–136.
15. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicología Social*. 2015. Vol. 30(3). P. 586–613 doi:10.1080/02134748.2015.1065090
16. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology* / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Sage Publications Ltd, 2012. P. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
17. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39. / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press, 2007. P. 69–126.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

18. Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 407–418. doi:10.1111/josi.12021
19. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23(4). P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
20. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity // *Personality & Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5(2). P. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4
21. Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78(2). P. 223–246. doi:10.1037/0022-3514.78.2.223
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 34(3). P. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
23. Palmonari A., Pombeni M. L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks // *Social Behaviour*. 1990. Vol. 5(1). P. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.)*. Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence // *Journal of Adolescence*. 2011. Vol. 34(3). P. 555–567. doi:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

References

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. Moscow: Aspekt press. 2000. 288 p. (In Russ.).
2. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).
3. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Tekhnologii i identichnost': transformatsiya protsessov identifikatsii pod vliyaniem tekhnicheskogo progressa. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal) = Modern Studies of Social Problems*, 2012, no. 9 (17), pp. 33. (In Russ.).
4. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Deformatsiya khronotopa v usloviyakh sotsiokul'turnogo uskoreniiya. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 2015, no. 2, pp. 15–24. (In Russ.).
5. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Soblazny i lovushki temporal'noi identichnosti. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 2016, no. 8, pp. 115–125. (In Russ.).
6. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyanie sovremennykh tekhnologii na razvitie lichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2005. Vol. 26, no. 6, pp. 16–24. (In Russ.).
7. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). *Advances in Group Pro-*

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

cesses. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006

8. Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections In Winkler I., Reissner S., Pereira R. (eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023, pp. 87–102. doi:10.4337/9781802207972.00018

9. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23. P. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577

10. Brewer M.B., Hong Y., Li Q. Dynamic entitativity. In Yzerbyt V., Judd C. M., Corneille O. (eds.). *The psychology of group perception: Perceived variability, entitativity, and essentialism*. New York, NY: Psychology Press, 2004, pp. 19–29.

11. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp. 14–25. doi:10.1002/bs.3830030103

12. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 490 p. doi:10.4324/9781315648569

13. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In Hogg M.A., Blaylock D.L. (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19–35. doi:10.1002/9781444344073.ch2

14. Hogg M.A. Social identity theory. In Burke P.J. (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111–136.

15. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015. Vol. 30, no. 3, pp. 586–613 doi:10.1080/02134748.2015.1065090

16. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Van Sage Publications Ltd, 2012, pp. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29

17. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In Zanna M.P. (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39. San Diego, CA: Academic Press, 2007, pp. 69–126.

18. Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi:10.1111/josi.12021

19. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011. Vol. 23, no. 4, pp. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064

20. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity. *Personality & Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4

21. Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 2, pp. 223–246. doi:10.1037/0022-3514.78.2.223

22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. Vol. 34, no. 3, pp. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

23. Palmonari A., Pombeni M. L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks. *Social Behaviour*, 1990. Vol. 5, no. 1, pp. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34, no. 3, pp. 555–567. doi:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, старший преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Евгения Дмитриевна, специалист по учебно-методической работе, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Darya V. Melnikova, Senior Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

*Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.*
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

Evgeniya D. Belova, Educational Specialist, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 23.07.2023
Принята в печать 17.08.2023

Received 23.07.2023
Accepted 17.08.2023